

Клавдия из I явления II действия, где тот произносит: «Поборник истины, безстыдных дел рачитель».²³

Сумароков действительно переосмыслил значение этого слова, придав ему прямо противоположный смысл, нежели тот, с которым связывалось его употребление в старославянском языке (как «защитник» или «соратник»). На этом пункте Тредиаковский сосредоточил всю силу своего сарказма, вновь уличая своего противника в невежестве. И когда гаерствующий Архисотолаш восклицает в сердцах: «Вот нещасье наслало на меня какова Поборника, то бишь, Рушителя. . .», — то направленность этой фразы против статьи Тредиаковского не может вызывать никаких сомнений. В подтверждение того, что в образе Архисотолаша и его репликах содержались скрытые намеки на других недоброжелателей Сумарокова, среди которых мог быть Теплов, можно сослаться также на вторую часть шутовского монолога. Он заканчивается загадыванием задачи о двух братьях, из которых «большой зделал ветреную мельницу, которая всегда молола и кругом безпрестани вертелась, только ж в ней не было жорнов; а средней, почитай, ежечасно играл в самую большую игру в пеструхи, однако весь свой век не знал ни козырей, ни матадоров, еще и ни мастей. Которой же из них жил домостройнее и богатее, прошу мне вытолковать?»²⁴ Если в первом случае без труда можно почувствовать намек в адрес неутомимого труженика Тредиаковского, то об адресате намеков во втором случае судить труднее. Подразумевался ли под «средним» покровительствовавший в это время Тредиаковскому, как всегда не без коварства, Г. Н. Теплов, или кто-то другой, сказать с уверенностью нельзя. Но некоторые косвенные признаки, как отмечалось выше, позволяют предположить, что фигура Г. Н. Теплова оказалась также задета Сумароковым. Во всяком случае в окончательный текст пьесы, предназначенный для публикации, вновь написанное явление, как и упоминавшиеся в статье Тредиаковского «кощунственные» слова Оронта из XI явления (в окончательной редакции — XII), не было включено.

В свете всего сказанного становится ясным, почему в упоминавшейся уже нами новой комедии «Чудовищи» Тредиаковский выведен под именем педанта Критициондиуса, друга петиметра Дюлижа. Он появляется в IV явлении I действия вместе с петиметром, и первые же его слова, обращенные на подъячего Хабзея: «Видно, что он сам себя ни в чем не критикует», — своеобразно сигнализируют об амплуа незадачливого критика. Щеголянье петиметра перед Хабзеем французскими словечками и распевание им французской песенки сопровождаются угодливым поддакиванием со стороны Критициондиуса, и на протяжении почти всей пьесы они так и выступают в паре. На образ Дюлижа, петиметра-щеголя, впервые появляющегося в комедиях Сумарокова рядом с Крити-

²³ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. . . Ч. III. М., 1787. С. 74.

²⁴ Сумароков А. П. Драматические сочинения. С. 468—469.